Александр А. Сальников

Ветлуга поёт о вечном

Том 1

Александр Сальников

Ветлуга поёт о вечном (Том 1)

«Автор»
2026

Сальников А. А.

Ветлуга поёт о вечном (Том 1) / А. А. Сальников — «Автор», 2026

В первом томе поэмы "Ветлуга поёт о вечном" публикуется первая из восьми частей поэмы. Поэма рассказывает об истории Великого Поветлужья и распространении христианства на средневековой Руси.

© Сальников А. А., 2026
© Автор, 2026

Александр Сальников
Ветлуга поёт о вечном (Том 1)

Эпиграф ко всей поэме

«О, если бы ты внимал заповедям Моим!
тогда мир твой был бы как река,
и правда твоя — как волны…»
(Исаия 48:18)

Часть первая

Якшанский монастырь

«Кто это поднимается, как река,
и, как потоки, волнуются воды его?»
(Иеремия 46:7)

1. Божественный посланник

Три монаха бельё полоскали в реке
Ранним солнечным утром, весенней порой
На дощатых широких дубовых мостках,
Что врезались в Ветлугу. Они босиком, –
Закрутив до коленей и выше портки,
Засучив рукава, а подолы у ряс
Для удобства подняв и заткнув в пояса, –
Дружно, молча, трудились. А на берегу
Их обувка стояла. И лодки вблизи
У причала качались на лёгкой волне
Словно строй лебедей. А вдали на холме
Виден был монастырь, что Якшанским зовут.
Возвышалась стена, словно лес строевой,
Частоколом из брёвен до самых ворот.
Над стеной колокольня, как стройная ель,
Поднималась, крестом уходя в небеса.
И дорога шла полем до самой реки.
А вокруг, – сколь давала увидеть река,
Сколько глаз видеть мог, аж до края небес, –
Разнолиственный лес возвышался, глухой,
И на том берегу, и на этом, – кругом!
Первым кончил работу Макарий монах:
Коренаст и плечист, с русой шапкой волос.
Он бельё своё в круглый ушат положил,
Вышел на берег, на ноги лапти надел,
Раскатал рукава, и портки, и подол;
Сел на камень, вздохнул, посмотрел на восход,

Тихо перекрестился, взглянул на друзей:
– День сегодня хороший послал нам Господь.
Словно знает, что памятен будет сей день.
Нынче храм освящаем…
– Да, птицы, и те
Вон как радостно майские песни поют!
Тоже рады весеннему тёплому дню, –
Отвечал ему Тихон. Он был полноват,
Ростом мал, рыж на волос, рябой на лицо,
Но характером весел. Хотел он уже
Взять овальный ушат свой, на берег идти,
Вдруг заметил, как тень пронеслась по воде.
Тихон тут же на небо свой взгляд устремил
И увидел, как сокол над ними стрелой
Пролетел, словно птицу хотел он догнать,
Словно высмотрел жертву на завтрак себе.
Тут же стих птичий щебет. Всё смолкло кругом.
– Гляньте, сокол! – успел лишь сказать он друзьям.
Все взглянули на небо, но сокола след
Уж растаял средь сосен на том берегу.
Зачирикали, вновь осмелев, воробьи,
Заскользили и крачки над тихой водой,
Зачертили и ласточки в небе круги.
Всё ожило опять, всюду шум, всюду жизнь.
Третий инок, Варнава, – высокий, худой,
Черновласый и строгий, – свой труд завершив,
Головой покачал и с улыбкой сказал:
– Вот ведь, страху, разбойник, на пташек нагнал!..
– Да, – ответили оба, как будто один.
– Ну, закончили труд и в обитель пора… –
И слова эти только Варнава сказал,
Как раздался по небу раскат громовой.
– Что такое? – все трое встревожились тут. –
Небо ясное. Лёгких два облачка лишь
Над рекою висят, – говорили они,
Осеняя себя троекратным крестом.
– Посмотрите! – Макарий, волнуясь, сказал.
Он указывал вверх, между двух облаков.
Там, вверху, среди ясной лазури небес
Человеческий облик едва проступил.
А потом всем яснее увиделся он:
Среди двух облаков плыл в лазури небес
Дивный старец седой и, подняв два перста,
Словно мир под собой он хотел окрестить…
Три монаха застыли, разинули рты
И стояли, на чудо такое дивясь,
Ни рукой, ни ногой не могли шевельнуть.
Тут опять майский гром прогремел в небесах
И монахи крестом осенили себя,

И среди облаков дивный облик померк
И растаял. На небе лазурном текли
Лишь два облака белых над тихой рекой.
– Братья, что это было? – Макарий спросил.
– Это знаменье, братцы! – Варнава сказал. –
А вот что это значит?.. Понять не могу.
– Поспешим-ка, скорее, в обитель, друзья, –
Предложил тут же Тихон, – Игумену всё
Мы подробно расскажем, что видели здесь.
Может, это видение он объяснит… –
И поспешно монахи пошли в монастырь.

2. Одинокий старец

По дороге в обитель Якшанскую им
Повстречался какой-то марийский старик
В одеянии светлом, расшитом кругом
Непонятным орнаментом старых времён.
Его волосы чёрные след седины
Уж изрядный имели в усах, в бороде;
Голова же прикрыта под шапкой была,
Что из шкуры матёрого волка он сшил
Сам себе уж давно, лет двенадцать назад,
Когда лютого зверя рогатиной в бок
Проколол зимней ночью, в курятне застав,
В доме, где на постой попросился, в одной
В деревеньке марийской, чтоб зиму прожить.
Уж теперь эта шапка потёрта была,
Мех облез кое-где, но служила она
Так же ладно. Она и как память была
Старику дорога: волк ему на ноге
Шрам оставил тогда от ужасных клыков.
А в руке старец посох дубовый держал;
Сокол вырезан сверху на посохе был,
А в когтях у него извивалась змея,
Обвивавшая посох до самой руки;
Ниже шли письмена и орнамент; в конце –
Гладкий ствол упирался в дорожную пыль.
Трём монахам старик, поклонившись, сказал:
– Я в Николо-Корельский иду монастырь.
Уж никак это он? Раньше не был я здесь…
– Он, – ответили все, поклонившись в ответ.
В небе снова раздался раскат громовой
И монахи себя окрестили крестом.
А старик посмотрел в небеса над рекой
И сказал:
– Ничего. Не пропустит река.
Погремит и уйдёт.
– Но ведь туч даже нет!..

– Там, за лесом они. Мимо их пронесёт…
А скажите мне, жив ли Пафнутий отец?
– Наш игумен? Здоров, – брат Варнава сказал. –
Вы знакомы, никак?
– Да, встречались мы с ним…
– А сегодня у нас знаменательный день, –
Брат Макарий добавил. – Сегодня мы храм
Николая Угодника, что был сожжён,
Освящаем, из пепла его возродив.
– Восстановленный храм даже лучше, чем был, –
Брат Варнава добавил. – Мы рады гостям. –
Так они шли со старцем, замедлив свой ход.
Тут брат Тихон решился спросить о другом:
– А скажи нам, отец, ты не видел сейчас
В небе знаменье или какой-нибудь знак? –
И старик ухмыльнулся, качнув головой:
– Видеть – видел. Но знак тот был не для меня,
А для вас.
– Как ты знаешь? – Варнава спросил.
– Как я знаю? Я долго на свете живу.
Мне – слова лишь остались. Дела же – для вас.
Ну а час мой последний ещё далеко…
– Как же можешь ты знать и о часе своём?
– Как я знаю? Я долго на свете живу…
– Что же знаменье значит? – вновь Тихон спросил.
– Что б готовы вы были к дерзаньям своим.
– Да к каким же дерзаньям?..
– То скажет вам ночь…
А теперь – поспешайте, я – следом приду.
Да Пафнутию – низкий поклон от меня!
– От кого же поклон?
– Дед, скажите, идёт,
А на посохе – сокол. Поймёт он и сам. –
И друзья поспешили опять в монастырь.

3. Глаголил им игумен тихо…

За оградой высокой движенье кругом
Пребывало большое, бурлило, текло.
Так в Николо-Корельской обители всё
Суетилось с утра: все – в работе, в делах.
К освящению храма готовились все:
Те, кто в службах участвовать будут, и те,
Кто другим послушанием занят весь день.
Три монаха, оставив у келий бельё,
Не развесив сушиться, в волненьи большом
Поспешили к игумену с вестью своей.
Старца в келье застали. И он, как и все,
К освящению храма готовил себя.

Облачиться помощник ему помогал
Для торжественной службы. Монахи вошли,
Поклонились учтиво, и он им – в ответ.
– Что вам, братия? Вижу, у вас на душе
Неотложное что-то, – игумен сказал. –
Ты, Варнава, начни. –
И, поклон опустив,
Так Варнава рассказ свой короткий повёл:
– Мы бельё полоскали... увидели вдруг:
Быстрый сокол стрелой над водой пролетел,
А потом в ясном небе – раскат громовой…
– Гром я слышал, – игумен Пафнутий сказал.
– А потом в вышине, между двух облаков,
Среди ясного неба увидели мы:
Человеческий облик едва проступил;
А потом всё ясней и яснее… и вот,
Среди двух облаков плыл в лазури небес
Дивный старец седой и, подняв два перста,
Словно мир под собой он хотел окрестить…
Но потом вновь раздался раскат громовой
И виденье исчезло среди облаков…
– Дивный старец седой?.. Не узнали его?
– Не узнали, отец настоятель. Не дал
Разумения Бог. На иконах святых
Облик этот не видели ранее мы… –
Сдвинул брови игумен Пафнутий, умолк
И задумался, глядя в резное окно.
– Мог бы я, если будет позволено мне,
Написать облик старца, – тут Тихон сказал. –
Я запомнил его…
– Хорошо. Напиши…
– А ещё, – вновь Варнава монах продолжал, –
По дороге в обитель, у поля овса,
Повстречался нам старец марийский один.
Он видение видел, и он подтвердит.
Он сказал, что дерзанья оно нам несёт.
А какие? Сказал: ночь нам всё разъяснит;
Что б готовы мы были… Вот только к чему?..
– Что же это за старец? – Пафнутий спросил.
– Шёл он к вам. Скоро будет. И низкий поклон
Вам велел передать. Видно, знает он вас.
В шапке волчьей. На посохе крепком его
Сокол вырезан сверху, поймавший змею…
– Знаю, знаю!.. – игумен лицом просветлел,
Улыбнулся монахам. – Встречались мы с ним.
Вещий Дед. Так мы звали когда-то его.
Это было давно… – На минуту одну
Настоятель умолк, вспоминая своё. –
Это было давно… Монастырь наш тогда

Возле Белого моря стоял, у Двины.
Но однажды… я помню тот день, как сейчас…
Войско мурманов, лёгкой добычи ища,
Монастырь наш Корельский пришло разорить.
И тела мы и души лишь Богу давно
Посвятили, и в руки оружие брать
Не могли. Как ягнят, они резали тех,
Кто пытался их словом своим усмирить.
Впрочем, эту историю знаете вы,
Я её вам рассказывал раньше не раз…
Нас осталось не много, что тайно смогли
Взять святыни и к лодкам спуститься, к реке.
Долго, долго, горюя, мы шли по Двине,
Поднимаясь к истоку, о братьях скорбя…
В скорби долго постились. А время всё шло.
Стали рыбой, грибами питаться в пути.
Только мяса не ели уж месяца два.
Как-то вечером, видим вдруг: на берегу
Преогромный медведь издыхает, лежит.
Уже стонет едва, и хрипит, но и тот
Хрип предсмертный его страшен был и суров.
«Что ж, – мы думаем, – видно сам Бог дал нам знак,
Что закончился пост». Время шло к холодам.
Только к берегу мы не решались подплыть:
Слишком страшен был зверь и велик, и силён.
Как гора он лежал на песчаной косе;
Кровь сочилась из ран, уходила в песок.
Мы же ждали на лодках у кромки воды.
Рык последний свой вскоре медведь испустил
И утих. Но в ушах ещё долго стоял
Этот рык великана. Ещё подождав,
Мы осмелились на берег выйти гурьбой,
Весла, колья, багры наготове держа.
Но медведь был уж мёртв… Только тут, подойдя,
Мы увидели все, что под ним – человек!
Лишь с огромным трудом мы его извлекли.
Был изранен он весь, без сознанья, но жив.
Нам тогда он казался седым стариком.
И дивились мы: как он сумел завалить
Великана лесного одним лишь ножом.
Мы его тут же к лодкам скорей отнесли.
Раны страшные чистой водою омыв
И лечебным отваром из трав пропитав,
Чистой тканью покрыли; затем, обвязав,
Так оставили, чтобы набрался он сил.
А медведя разделали, шкуру содрав;
Жир лечебный и мясо добыли в запас.
И больному медведь своим жиром помог:
Быстро он на поправку в дороге пошёл.

Он тогда сам себе, чтобы легче ходить,
Посох сделал дубовый. На посохе том
Сверху сокола вырезал ловкой рукой.
А у птицы в когтях извивалась змея,
Обвивавшая посох до самой руки.
Ниже он на марийском свои письмена
Написал и украсил орнаментом их.
А в конце – гладкий ствол в пыль дорог уходил…
– Это он, – подтвердили все трое в ответ.
– Шёл он с Белого моря к Ветлуге-реке,
В край родной возвращался, из плена бежал.
Только вскоре уж нас он покинуть решил
И пешком по лесам возвращаться один.
«Я – лесной человек, – мне сказал он тогда. –
Лес – мой дом». И ещё он просил рассказать,
Что за веру несём мы с собой по реке.
Долго с ним я беседовал. Веру в Христа
Он не принял, марийским был верен богам.
Но сказал: «Ваша вера не хуже моей».
И ещё: «На Ветлуге вновь встретимся мы
В новом монастыре». Но к Ветлуге идти
Мы тогда не хотели. А он мне сказал,
Что видение видел, и будто бы я
На Ветлуге игуменом буду сидеть.
Мы над ним посмеялись, прозвали его
Вещим Дедом, ещё мы не знали тогда,
Что он правду сказал. Не обиделся он.
И за то, что спасли, долго благодарил.
Так расстались: он лесом пошёл, мы – рекой.
Мне потом лишь открылось, что вовсе не зря
Бог послал нам суровый урок: как в тюрьме,
Мы сидели в обители, Богу служа;
Но другого служения ждал он от нас.
И тогда стали мы просвещать и крестить
Те народы, что нам попадались в пути.
Так мы шли по Двине вплоть до Юга-реки,
Возле Юга, молитву святую воздав,
Поделились мы: часть там осталась служить.
Мы же – дальше поплыли, по Югу. А там,
До истока дойдя, лодки волоком шли
Вплоть до Вохмы-реки. А по Вохме уже
Мы спустились к Ветлуге – прекрасной реке…
Впрочем, эту историю знаете вы… –
Тут вдруг звон колокольный раздался. И все
Осенили себя троекратным крестом.
– Вот и время. Пора нам на службу идти, –
Тихо старец игумен монахам сказал.
– Как же наше видение? – Тихон спросил.
Так ответил Пафнутий:

– Бог ведает то.
Если выбрал он вас, значит, он вразумит
И укажет вам путь, и подскажет, как быть.
Вы ж, – молитесь. – Всех трёх он крестом осенил,
А затем вместе с ними на службу пошёл.

4. Предстоятель у престола

Церковь новая песню запела свою,
Восхваляя Творца за добро и любовь:
Колокольные звоны текли над рекой
И над лесом; над всею округой текли.
А к Якшанской обители люди уже
Отовсюду стекались всё больше, дружней:
Кто пешком, кто верхом, кто в подводах спешил.
Лодки к пристани шли по Ветлуге-реке:
Кто – с верховья спускался, кто – с берега шёл,
Что напротив: последних Окимий монах
По спокойным волнам в лодке переправлял.
Молодёжь шла гурьбой, песни пели в пути.
Здесь и семьи с детьми: стар и мал поспешал.
Из окрестных селений и из деревень
Православный народ торопился во храм.
И купцы этот день не могли пропустить:
У высоких дубовых ворот вдоль стены
Развернулась торговля на радость толпе.
На телегах купцы разложили товар:
Ткани разных цветов изо льна, конопли,
И из хлопка, что с южных далёких краёв;
И из шёлка китайского, что по цене
Превышал и меха. Здесь платки в кружевах,
Там иголки да нитки различных цветов.
Бабам мимо лотков невозможно пройти:
Не купить, так хоть взглядом товар посмотреть,
Позавидовать той, что купила платок.
Мужикам – свой товар предлагают купцы:
Есть стальные ножи для охотничьих нужд
И домашних работ; косы есть, топоры;
Утварь разная: ложки, кувшины, ковши.
Тут цыган где-то лошадь украл, продаёт.
Рядом пасечник мёд предлагает купить.
Здесь охотник-мариец раскинул меха:
Чернобурка и заяц, и белка, и волк…
Ну а в храме уж служба давно началась.
Собралась и толпа, не вмещаются все.
У святого престола, пред всею толпой
В облачении дивном Пафнутий стоял:
В ризе, золотом ярким расшитой; с крестом
Золотым и искусным; и епитрахиль

Всюду золотошвейным шитьём с серебром
Разрисована ликами старцев святых;
Пояс нитью серебряной выложен весь;
Скуфья и камилавка его седину
Покрывали. Держал он сосуд золотой.
Воду тёплую льёт на престол он; её
Вытирают священники. Снова он льёт.
Полотенцами вновь вытирают её.
Он затем окропляет святою водой.
После этого красное вносят вино,
Помешав его с розовой светлой водой,
Предстоятель на трапезу это вино
Трижды крестообразно возлил. А затем
Снова насухо губками вытерли всё.
И запели певцы: «Вожделенны, Господь,
Все жилища твои! Истомилась душа,
Алча в дом Твой войти…». Вот и миром святым
Наконец, предстоятель помазал престол.
Тут другой уж псалом воспевают певцы:
«Вместе братьям приятно и радостно жить!
Это – как драгоценный елей, что течёт
С головы Аарона, с его бороды
На одежду его; это – словно роса,
Что на горы Сионские сходит, где нам
Заповедовал благословенье Господь
С вечной жизнью». Затем совершалось уже
Облаченье престола в одежды его.
Тут другой уж псалом воспевали певцы.
А затем положили уже на престол
Крест святой и Евангелие, и ещё
Также дарохранительницу. Это все
Пеленою покрыли. При этом певцы
Сладкозвучно другой воспевали псалом.
А затем освящали алтарь и весь храм:
И кадили свечёй, и кропили водой,
Стены мазали миром. При этом певцы
Двадцать пятый псалом исполняли, трудясь.
Освятив Божий храм, предстоятель в алтарь
Входит; к горнему месту идёт и свечу
Возжигает, священный престол осветив.
Как лампада в ночи, как на небе звезда
Как алмаз средь породы, огонь заиграл.
А затем крестных ход совершили они.
Так игумен священную службу вершил,
А закончив, – устал; удалиться хотел,
Но услышал, как кто-то в народе сказал:
– Слово! Слово скажи нам, Пафнутий, отец!
– Слово просим! – раздалось повсюду в толпе.
– Просвети их, отец настоятель, – сказал

Благочинный, что рядом с Пафнутием был.
И игумен Пафнутий взошёл на помост
Возле храма: на время воздвигнут тот был.
Словно древний библейских времён патриарх
Над толпою Пафнутий стоял. Он сказал:
– Братья! Сёстры! Восславим деянья Творца!
С Божьей помощью многое можно свершить.
Чуден мир. Чудеса объяснить нелегко.
Рано встал я сегодня. И солнце ещё
Из-за леса не вышло, чтоб мир осветить.
Долго думал о том, что недавно совсем
Дик и тёмен был край наш без веры в Христа.
Сколько кануло в Лету столетий, когда
Князь Владимир принёс крест и веру на Русь.
Дело трудное нам не даётся легко,
И великое дело не сделать без жертв.
Без труда нам даются лишь зло да грехи,
Что приводят к болезням и смерти души.
Вот и правая вера далась нелегко.
Русь Владимир крестил и огнём, и мечом.
Только Русь велика! До пределов её
Нелегко дотянуться, чтоб волю вершить.
Здесь, в дремучем краю, с незапамятных лет
Лентой девичьей вьётся Ветлуга-река
Средь лесов и полей, средь холмов и долин.
Как блаженные дети здесь жили в лесах
Наши братья, не знавшие света Христа,
Не умевшие зло от добра отличить,
И творившие зло, почитая добром.
Но Господнее слово не знает границ!
И сюда, на Ветлугу, когда-то пришёл,
Чтоб марийский народ просвещать и крестить,
Новгородский пустынник по прозвищу Кий,
Николай во Христе. Он пришёл на Якшан
И марийского князя Коджу окрестил;
Бога верное слово воспринял Коджа,
Строить церкви он стал на марийской земле.
Так возник на Якшане святителя храм… –
Тут игумен на храм поклонился, и вслед
Поклонился народ, и крестясь, и крестя.
А Пафнутий продолжил премудрую речь:
– Не по воле своей, не на месте пустом
Мы подняли из пепла сей храм вековой,
Лишь по милости Бога, по воле его!..
Много кануло в Лету событий земных.
Много видел сей храм на Ветлужской земле:
Как Батыя войска разоряли народ
И пустела земля, и бежали в леса…
Здесь когда-то пустынник Варнава служил,

Что из Устюга. Там его князь Кельдибек
При набеге пленил и привёз на Якшан,
Чтобы выкуп потребовать. Только потом
За слова, что от Бога, за веру в Христа
Так его полюбил, что позволил ему
Быть священником в церкви, Якшан просвещать.
А потом он ушёл по Ветлуге-реке
Слово Бога нести, храм оставил на нас. –
Вновь игумен на храм поклонился, и вслед
Поклонился народ, и крестясь, и крестя.
А Пафнутий продолжил премудрую речь:
– Не по воле своей, не на месте пустом
Мы подняли из пепла сей храм вековой,
Лишь по милости Бога, по воле его!..
А когда Кельдибека Василий Косой
Умертвил, то восстали его сыновья
И подняли марийцев во гневе своём,
Жгли селенья славян, православный наш храм
Разорили, сожгли… Это помните вы,
Братья, сёстры, – недавним быльём поросло…
Так что храм сей стоит не на месте пустом,
А на месте святом! Не по воле своей
Мы подняли из пепла сей храм вековой,
Лишь по милости Бога, по воле его! –
Вновь игумен на храм поклонился, и вслед
Поклонился народ, и крестясь, и крестя.
А Пафнутий продолжил премудрую речь:
- Не без ваших трудов, не без ваших молитв,
Не без помощи вашей из пепла возрос
И воздвигся сей храм. Бог в труде помогал!
Руки плотников сильными сделал Господь,
Чтоб поднялись венцы, купола; чтобы крест
Доставал до небес! Мы впервые теперь –
Чтобы Бог издалёка мог видеть наш храм –
Красным золотом ярким покрыли его…
Рано встал я сегодня. И солнце ещё
Из-за леса не вышло, чтоб мир осветить.
Долго думал о том, что недавно совсем
Дик и тёмен был край наш без веры в Христа.
И всё это я вспомнил, что вам говорю…
И едва лишь подумал о храме (в окно
Своей кельи взглянул на вершину трудов),
В этот миг встало солнце и крест обожгло,
Засиял он огнём! И лучи от него
Осветили и келью, и сердце моё.
Бог увидел! Он громом сегодня гремел
Прославляя свершение наших трудов!
Но грозу не пустил! Нам же – знаменье дал:
В облаках над Ветлугой сегодня возник

Дивный старец седой и, подняв два перста,
Словно мир под собой он хотел окрестить…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.